

ГЛАВА 3. ДРУГИЕ ОТРЯДЫ АНТИМОНАРХИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ: ИХ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

3.1 Либеральная и левозэкстремистская оппозиция и их печатные органы

Как уже говорилось, вторая половина XX в. была отмечена в истории Афганистана прогрессирующим обострением социальных противоречий. Это неизбежно приводило к борьбе между различными общественными и политическими силами, пытавшимися, каждая по-своему, решить вставшие перед страной экономические и политические проблемы.

В середине 60-х годов, наряду с леводемократическими организациями, все громче и решительнее начали заявлять о себе и другие течения и группировки: от крайне правых до крайне левых. Все они, не имея, как правило, достаточно сложившейся организационной структуры, группировались в основном вокруг частных (независимых) печатных изданий, появившихся в стране после принятия парламентом нового Закона о печати и утверждения его королем в сентябре 1965 года.

В период с 1966 по 1972 год в Афганистане выходило в общей сложности 33 частные газеты и журнала. [1] Одной из первых право на издание получила еженедельная газета «Вахдат» («Единство»). Ее первый номер увидел свет 7 февраля 1966 года (однако номер был датирован 21 января 1966 г. – М.С.). Издателем и главным редактором газеты являлся маулави Халь Мухаммад Хаста, а ее активными авторами были известный поэт, общественный деятель, ученый-филолог Гульпача Ульфат (в 1956-1963 годах он возглавлял Афганскую академию «Пашто толына»), Гулям Наби Чакнавард, Мухаммад Али Чупан, Хабибулла Рафи и др. Будучи лояльной существовавшему в стране конституционно-монархическому строю, «Вахдат» выступала с призывами обеспечить общественное единство, спокойствие и социальную справедливость на основе «классовой гармонии» и строгого соблюдения законов, которые, по идее ее авторов, должны были играть роль и стража прав и интересов всего населения, и регулятора отношений между различными слоями общества. В принятии и совершенствовании законов газета видела путь к «утверждению норм бытия и устойчивой идеологии», «установлению нормальных отношений между отдельными членами общества и между классами». [2]

Газета с горечью и озабоченностью писала о вопиющей отсталости страны и ее острых социальных проблемах: нищете, бездомности и невежестве населения, коррупции и взяточничестве, бюрократизме и беззакониях административно-государственного аппарата. Выход из тяжелого положения страны и народа ей представлялся в поощрении развития смешанной (государственно-частной) экономики, расширении национального промышленного и сельскохозяйственного производства, увеличении экспорта, упорядочении отношений между рабочими и работодателями, в решении аграрного вопроса путем «более четкого регулирования отношений между крестьянами-производителями и землевладельцами». При этом издатели «Вахдат» категорически отрицали использование каких-либо форм классовой борьбы и насилия, которые могли бы нарушить социально-классовое равновесие, резко осуждали «вредные течения», «подстрекательство народа против системы управления в государстве», «раздувание вражды». Они настойчиво апеллировали к передовой интеллигенции, призывая ее всеми силами содействовать «прогрессивному политическому процессу в Афганистане» на основе выработки «единой линии идеологической борьбы» и развития национальной идеологии, опирающейся на принципы единства и закона. В области внешней политики Афганистана газета всецело поддерживала официальный правительственный курс. [3] Идеи и взгляды «Вахдат» по совершенствованию в рамках закона существовавшей системы, однако, не получили в стране широкой общественной поддержки и газета, просуществовав менее полугода, вынуждена была прекратить свое издание из-за возникших финансовых трудностей.

Вслед за «Вахдат» в Кабуле стала издаваться на языке дари еще одна частная газета – «Пейаме эмруз» («Сегодняшняя весть»), первый номер которой вышел 9 февраля 1966 года (издатель – Гулям Наби Хатер, главный редактор – сначала полковник в отставке, хазарец по национальности Абдурауф Торкмани, а затем Мухаммад Тахер Мохсени). В противовес идеям «умеренности» и «классовой гармонии» в подходе к вопросам исправления и улучшения общественно-политической системы в стране, с которыми выступала газета «Вахдат», «Пейаме эмруз» высказывалась за широкое и активное участие населения во внутриполитической жизни, обличала социальные пороки, коррупцию и злоупотребления государственных должностных лиц, особенно из числа членов бывшего кабинета М.Юсуфа, подвергала критике правительственный курс премьер-министра М.Х.Майвандваля, выступала в защиту прав национальных меньшинств, за осуществление на деле конституционных прав и свобод граждан. Пожалуй, самым экстраординарным в газете были ее антиклерикальные публикации. Бросая прямой вызов богословам-ортодоксам, она на основе новейших научных данных развенчивала закостенелые религиозные догмы и подчеркивала, что религия не должна быть препятствием на путях прогресса страны. [4]

Такая направленность газеты не могла, естественно, устроить правящие и консервативно-клерикальные круги. Вопрос о «Пейаме эмруз» был вынесен на обсуждение Вулуси джирги, которая приняла решение расследовать деятельность ее издателей. 25 мая 1966 года, почти одновременно с запрещением газеты «Хальк», правительство приостановило издание «Пейаме эмруз», мотивируя свой шаг тем, что в связи с уходом в отставку главного редактора А.Р.Торкмани газета, оказавшись без руководителя, не может далее, согласно Закону о печати, функционировать. В действительности же это был не более, чем предлог. Главной причиной запрещения газеты явились ее оппозиционный, антиправительственный курс и антиклерикальные выступления. Летом 1966 года «Пейаме эмруз» возобновила свое издание, но под другим названием – «Пейаме ведждан» («Послание совести»). Ее издателем и главным редактором стал А.Р.Торкмани. Она, как и прежде, продолжала выражать взгляды критически настроенной демократической оппозиции. На ее страницах не раз печатались статьи Н.М.Тараки. В декабре А.Р.Торкмани и один из сотрудников газеты были привлечены к суду за публикацию, по мнению правительства, тенденциозных

материалов о происшедших накануне в Кабуле демонстрациях. [5] Идеи и взгляды «Пейаме эмруз» выражала также газета «Саба» («Завтра»), издававшаяся с 8 мая 1968 года Гулямом Наби Хатером.

Однако ни «Вахдат» и ни «Пейаме эмруз» (как и ее преемницы) не приобрели широкой популярности среди афганской читающей аудитории. В отличие от них заметным явлением общественно-политической жизни Афганистана 60-70-х годов стало, кроме левых газет «Хальк» и «Парчам», издание независимых газет «Афган меллят», «Мосават», «Шоалеи джавид», «Караван», «Гахидз» и некоторых других. Все они, выступая с отличными друг от друга идейно-политическими платформами и представляя интересы различных социально-классовых слоев и групп населения, активно стремились в общенациональном масштабе сплотить вокруг себя своих единомышленников и заложить первые камни в фундамент формировавшихся политических организаций и группировок.

Еженедельная газета «Афган меллят» («Афганская нация») начала издаваться с 5 апреля 1966 года инженером Гулямом Мухаммадом Фархадом, бывшим в то время президентом департамента энергетики, а впоследствии мэром Кабула. Ее главными редакторами являлись Кодратулла Холад, затем Набиулла Рафи и снова К.Холад. Стронники «Афган меллят» называли себя «социал-демократами», а свою организацию – «Джамиате сосиал демократ» («Социал-демократическое общество») или «Афган сосиал демократс» («Афганские социал-демократы»). Их лидером и идеологом вплоть до своей смерти являлся Г.М.Фархад («папа Фархад», как его называли его приверженцы). На формирование его эклектических взглядов оказала воздействие учеба в 30-х годах в фашистской Германии.

Идейно-политическое кредо «Афган меллят» было изложено в редакционной статье ее первого номера, где говорилось об «острой необходимости выявить и ликвидировать элементы упадка афганской нации», возрождения и упрочения «афганского национального духа», «афганского духовного величия», «высоких целей и интересов афганства». [6] «Дух афганства» объявлялся исключительным источником социального прогресса, материального и духовного расцвета нации и государства. Выступая с крайних националистических позиций, идеологи «Афган меллят» призывали придать языку пушту статус общенационального языка и более того «соединить все народы, расы и племена Афганистана в одну нацию, а традиции и социально-правовые факторы, составляющие их материальную и духовную жизнь, – в одну культуру». [7] Проповедь афганского (пуштунского) национализма как единственного пути решения всех проблем страны дополнялась в «Афган меллят» геополитической идеей создания «Великого Афганистана» в границах империи Ахмад-шаха Дуррани, существовавшей непродолжительное время во второй половине XVIII в. С идеей «Великого Афганистана» смыкались и подходы афганмеллятовцев к решению пуштунской проблемы. В противовес официальному курсу о предоставлении зарубежным пуштунам права на самоопределение «Афган меллят» требовала для них национальной независимости и создания свободного Пуштунистана. [8] В целом занимая антиимпериалистические позиции, газета решительно выступала против усиления в стране иностранного (западного) влияния.

«Афган меллят» не обходила молчанием и острые социальные проблемы, волновавшие афганское общество. Однако она не смогла выдвинуть сколько-нибудь существенную программу их решения, ограничившись лишь общими декларациями, вроде искоренения в органах власти взяточничества и продажности, ликвидации нищеты, безработицы и несправедливости в обществе, предоставления земли безземельным крестьянам, запрещения ввоза в страну предметов роскоши, введения прогрессивного подоходного налога и т.п. [9] Не вносила ясности в раскрытие социально-экономической программы «Афган меллят» и выдвигавшаяся ею идея так называемого «национально-демократического социализма». Суть этой идеи фактически свелась к голой констатации того, что ее основу должны были составить конституционно-монархический строй и создание демократического общества. [10]

Одной из «проходных» тем «Афган меллят» была критика высокопоставленных должностных лиц. Они обвинялись в коррупции, злоупотреблениях властью и других прегрешениях. Нередко доставалось на орехи и членам кабинета М.Х.Майвандваля, а также его Партии прогрессивных демократов (ППД). Некоторые зарубежные историки-афганисты склонны считать, что такое повышенное «внимание» к правительству и ППД объяснялось прежде всего неприязненным отношением лично издателя «Афган меллят» Г.М.Фархада к М.Х.Майвандвалю, которое сложилось еще тогда, когда первый занимал пост президента департамента энергетики, а второй был премьер-министром. [11] В ряду многих публикаций на эту тему большой резонанс в обществе вызвала статья газеты от 25 апреля 1967 года, озаглавленная «Являются ли шпионами государственные служащие?». Поскольку в ней представители госаппарата обвинялись в связях с ЦРУ, вопрос был вынесен на обсуждение Вулуси джирги. Хотя в парламенте обвинение не получило документального подтверждения и не было поддержано, однако М.Х.Майвандвалю и членам его кабинета, присутствовавшим при обсуждении на заседании Вулуси джирги, пришлось пережить немало неприятных минут. Из-за данной скандальной статьи газета «Афган меллят» решением правительства была закрыта на девять месяцев. Ее издание возобновилось лишь 20 февраля 1968 года, то есть уже после ухода в отставку правительства М.Х.Майвандваля. Газета вновь была закрыта 6 февраля 1972 года в связи с резкой критикой правительства А.Захира по вопросу о Пуштунистане.

Примерно на таких же позициях стояла и газета «Меллят» («Нация»), выпускавшаяся с 25 сентября 1971 года по 10 января 1972 года отколовшейся от «Афган меллят» группой деятелей правого крыла пуштунских националистов. Ее издателем и главным редактором был Феда Мухаммад Федаи, а активными авторами – Надир Хассас, Рахмат Зафар Алькозай, Г.Джалальзай. Причиной запрещения издания газеты, как и «Афган меллят», явились ее антиправительственные публикации по пуштунской проблеме.

Борьба идей, взглядов и платформ среди политически активной афганской общественности приняла особенно острый и жаркий характер после выхода в свет в начале апреля 1966 года газеты «Хальк» и опубликования ею Демократической программы Хальк. Прямым вызовом данной газете и ее программе явилось издание с 11 мая газеты «Мардом». Ее издателем стал известный художник и литератор Сеид Мо-

каддас Негах, а главным редактором – Гулям Мохиэддин Тафвиз. Цель издателей «Мардом» – конфронтация с идеями и взглядами «Хальк» – раскрывалась не только содержанием их программных установок, но и такими деталями-противопоставлениями, как название газеты (в переводе с дари «Мардом» означает «народ» с оттенком «все люди»), цветом названия газеты (как уже указывалось, название газеты «Хальк» печаталось в красном цвете, а «Мардом» – в почитаемом для мусульман зеленом; этим подчеркивалась приверженность издателей исламским ценностям), подзаголовком названия газеты (у «Хальк» в подзаголовке стояли слова «Выразитель народно-демократических взглядов», а у «Мардом» – «Орган подлинных чаяний народа») и даже названием программных материалов (у «Хальк» – «Демократическая программа Хальк», а у «Мардом» – «Демократические чаяния народа»).

Уделяя в своих публикациях большое внимание социальным проблемам и признавая наличие в афганском обществе классов и классовых различий, «Мардом» считала недопустимой и даже преступной классовую борьбу и «любую мысль о революции», как противоречащих принципам «исламизма» и «афганизма», и призывала все слои и группы населения к сотрудничеству и союзу в рамках конституции и на принципах национализма. [12] Путь к прогрессу и возрождению страны газета предлагала искать не «в истории социалистической революции или капиталистического развития», а в «исторической исключительности» афганского общества, «особенностях афганской нации» и решительном отказе от «слепого использования враждебных идеологий». При этом, следует заметить, авторы «Мардом» не отрицали необходимости использования опыта других стран с учетом специфики развития Афганистана для преодоления его экономической отсталости. Идеологи газеты, ратуя за «классовую гармонию» в обществе, требовали в духе воинствующего национализма «очистить страну от внутренних вредителей», устранить расовые, племенные и классовые различия», «укрепить национальный дух» и в соответствии с принципом «Афганистан – для афганцев!» исключить всякое идеино-влияние извне, в том числе и со стороны великих держав, и защитить таким образом национальные традиции, культуру и религию Афганистана. Во внешнеполитическом плане они выступали за полный нейтралитет страны в мировых делах. [13]

Публикации «Мардом», несмотря на ее отдельные критические высказывания в адрес властей, в целом находили одобрение и поддержку в правящих кругах страны. Однако в афганском обществе ее программные установки, носившие в основном лозунговый характер, не получили сколько-нибудь заметной популярности и признания, хотя и не остались без внимания со стороны радикально настроенной демократической прессы. В частности, в газетах «Хальк» и «Пейама эмруз» появился ряд статей, в которых в острой полемической форме рассматривались идеи и взгляды «Мардом» и подчеркивалась их утопичность, неприемлемость и реакционность. «Мардом» просуществовала немногим более одного месяца и была закрыта в связи с исчезновением причины ее появления – запретом газеты «Хальк».

Во второй половине 60-х годов, в условиях ускорившегося роста и укрепления элементов капитализма в экономике Афганистана и появления первых признаков кризиса монархии в движение пришли различные прослойки национальной буржуазии, либерально настроенная часть правящих кругов и представители элитарной интеллигенции. Они группировались вокруг независимых, частных газет, как-то: «Мосават» («Равенство»), «Караван», «Джабхайи мелли» («Национальный фронт»), «Пактика», «Эттехаде мелли» («Национальный союз»), «Рузгар» («Время»), «Афган», «Афкаре нау» («Новые взгляды»), отчасти «Хайбар», упоминавшейся выше «Афган меллят» и некоторых других. Их идейно-политические и социальные программы, несмотря на определенные различия между ними, были в целом ориентированы на национально-буржуазное развитие страны, в основу которого должны были быть положены принципы национализма (а у некоторых группировок – и пуштунского шовинизма), религии, социального эгалитаризма и буржуазной демократии при сохранении существовавшего в Афганистане конституционно-монархического строя.

Среди названных выше национально-буржуазных группировок наиболее идейно и политически заметной являлась Партия прогрессивных демократов, основы которой были заложены еще в 1965 году тогдашним премьер-министром Мухаммадом Хашимом Майвандвалем. Ее печатным органом стала газета «Мосават», издававшаяся с января 1967 года (в литературе по Афганистану нередко ППД называют группировкой «Мосават»). Издателями газеты последовательно были Абдушакур Рашад и Мухаммад Шариф Айюби, а главными редакторами – Мухаммад Рахим Эльхам и Абдул Гани Майванди. В газете активно сотрудничали Модаккак М.Камель, Моманд, Абдурауф Бенава и другие. Узловые программные установки ППД были изложены премьер-министром М.Х.Майвандвалем в августе 1966 года в его речи по случаю празднования Дня независимости. [14] В ней он заявил о намерении бороться за «создание свободного и прогрессивного общества», «против нищеты, болезней, неграмотности, социальной несправедливости и остатков феодализма», «против деспотизма и реакции» в соответствии с нормами «ислама, конституционно-монархического строя, национального чувства, демократии и социализма». [15] Позднее газета «Мосават», раскрывая содержание этих пяти элементов как основы идейно-политической платформы «прогрессивных демократов», писала: «Ислам – это основа нашего мировоззрения; конституционная монархия – гарантия национального суверенитета; национализм – отражение исторических реальностей; демократия – наш путь развития; социализм – наша цель построения прогрессивного общества, живущего единими интересами». [16]

Необходимо подчеркнуть, что намерение бороться за утверждение в афганском обществе демократических ценностей и социальной справедливости для «трудовых обездоленных классов» составляло ключевое звено в программных лозунгах «прогрессивных демократов». При этом идеологи «Мосават» исходили из того, что в стране существуют антагонистические социальные противоречия и в принципе два противоположных класса – «друзья» и «враги». К первому из них они относили всех тех, кто страдал от произвола и эксплуатации, а ко второму, «паразитическому классу», – ханов племен, крупных землевладельцев, ростовщиков, торговцев-компрадоров, капиталистов, коррумпированную бюрократию. «Прогрессивные де-

мократы», принципиально отвергая насилие как средство решения общественных проблем, считали, однако, что ликвидировать классовые противоречия и эксплуатацию людей труда и «построить здание свободы и подлинного равенства» следует не посредством классовой борьбы и насильственной революции, а только мирным, законным путем или, другими словами, через «молчаливую», «законную» революцию. [17]

Декларируя программу умеренной эволюции в рамках закона и парламентской демократии как путь универсального решения общественных проблем страны, [18] ППД и ее сторонники особое значение придавали укреплению надстроечных структур государства: созданию парламентского режима власти, обеспечению плодотворного сотрудничества трех ветвей власти (исполнительной, законодательной и судебной), совершенствованию административно-управленческого аппарата и очищению его от извечных пороков – коррупции, взяточничества, вымогательства, злоупотреблений властью и т.п. Не оспаривая идею о введении в стране многопартийной системы, они тем не менее ставили своей целью «ограничить действия экстремистских элементов», понимая под этим прежде всего левые силы. [19]

В социально-экономической области М.Х.Майвандваль и его единомышленники заявили о приверженности политике «руководимой смешанной экономики», провозглашенной еще М.Юсуфом, предшественником М.Х.Майвандваля на посту премьер-министра. При этом лидер «прогрессивных демократов», излагая экономическую программу своего правительства и ППД в упомянутой выше августовской (1966 г.) речи, обещал уделить первостепенное внимание развитию легкой промышленности как основы первого этапа индустриализации страны, повышению роли государственного планирования в активизации деятельности госсектора и частного капитала, поощрению ремесленного производства и кооперативного движения, расширению кредитной системы, внесению изменений в налоговую систему «в духе социальной справедливости», предоставлению таможенных льгот частному предпринимательству, увеличению объема экспорта традиционных для Афганистана товаров (каракуля, шерсти, хлопка, ковров и др.). [20] В дальнейшем эта программа была дополнена требованиями национализации внешней торговли, банков, рудников, энергетических и промышленных объектов, а также проведения в стране культурной революции. [21] В крестьянском вопросе «прогрессивные демократы» пошли заметно дальше некоторых других национально-буржуазных группировок. Признав существование в афганской деревне пережиточных феодальных форм эксплуатации крестьян со стороны землевладельцев (по выражению М.Х.Майвандваля, – «паразитического класса») и, как следствие этого, «социальной неустойчивости в стране», они предложили провести аграрную реформу, предусматривавшую незначительное ограничение земельной собственности, пересмотр условий земельной аренды, наделение крестьян землей из государственного земельного фонда, создание государственных ферм и крестьянских сбытовых и потребительских кооперативов, помощь крестьянам семенами, сельскохозяйственным инвентарем и удобрениями. Вместе с тем ППД не выдвигала задачу ликвидации в Афганистане феодально-помещичьего землевладения. [22]

В программных лозунгах и публикациях «Мосават» постоянно присутствовала тема социализма. Под социализмом «прогрессивные демократы» понимали общество социальной справедливости и равенства, общество подлинной, «народной», демократии. Они считали, что к нему неизбежно придут эволюционным путем все народы, в том числе и промышленно развитых капиталистических стран. Что касается развивающихся стран, включая и Афганистан, то они, по мнению идеологов ППД, из феодализма «сразу шагнут в социализм», так как в них острее всего проявляются общественные противоречия из-за огромного разрыва в положении имущих и неимущих классов и сильнее всего сказывается влияние социалистических идей. [23]

М.Х.Майвандваль и его сторонники, выражая прежде всего взгляды либерально настроенной части правящих кругов, стремились создать правительственную партию, которая могла бы сплотить вокруг себя и примирить представителей различной политической ориентации. Именно этой цели должна была служить программа партии, эклектически соединившая широкий набор идей, взглядов и лозунгов – от клерикальных, националистических до социалистических. Организационные основы Партии прогрессивных демократов были изложены в проекте ее Устава, опубликованном в газете «Мосават» 1 и 15 февраля 1967 года (то есть тогда, когда ее лидер М.Х.Майвандваль занимал еще пост премьер-министра Афганистана). Следует, однако, признать, что данный замысел по созданию партии не был подкреплен со стороны ее организаторов кропотливой практической работой. Сказалось и то, что ее социальная база оказалась слишком узкой и притом довольно пестрой с идейной и политической точек зрения. В итоге после ухода в отставку кабинета М.Х.Майвандваля 12 октября 1967 года деятельность ППД ограничивалась в основном идейно-теоретическими изысканиями в ущерб ее практической деятельности. В ходе последующих бурных событий афганской истории Партия прогрессивных демократов, оставаясь по-прежнему численно небольшой группой, не сумела сохранить себя как организацию и сошла с арены общественно-политической борьбы, а судьба ее лидера М.Х.Майвандваля оказалась весьма трагической. Их печатный орган – газета «Мосават» – просуществовала до конца 1971 года.

В марте 1968 года, вслед за газетой «Парчам», в Кабуле стала издаваться газета «Садаи авам» («Голос масс») – печатный орган одноименной политической группировки. Ее издателем и главным идеологом был депутат Вулуси джирги д-р Абдул Карим Фарзан, а главным редактором – Мухаммад Ареф Ханифи. Общественно-политическая позиция газеты была сформулирована в ее подзаголовке – «Орган великих идей и чаяний трудовых демократических масс». «Садаи авам», поставив своей целью «борьбу за права угнетенного трудового народа Афганистана», подвергала критике существовавший общественный строй, экономически и политически господствовавшие в стране классы, показывала тяжелые жизненные условия и бесправное положение трудящихся масс города и деревни, обличала социальные неравенство и несправедливость. Избавление от нищеты, бед, страданий и бесправия трудовых слоев населения и отсталости страны газета видела в «передаче политической и экономической власти народу на основе волеизъявления трудящихся» и создании национально-демократического правительства, выборе некапиталисти-

ческого пути развития и проведении социально-экономических реформ, в том числе и аграрной реформы, национализации внешней торговли, банков и страхового дела, расширении и укреплении государственно-го сектора, создании кооперативов, отмене налогов на малоимущие слои населения города и деревни, повышении жизненного уровня простого народа, расширении системы здравоохранения и образования, обеспечении социальной защиты трудящихся через создание профсоюзов и конфедераций рабочих, крестьян и других категорий граждан, борьбе за гуманистические идеалы и т.д. Раскрывая детали своей радикальной программы, авторы «Садаи авам», однако не предлагали конкретных форм, средств и методов борьбы за ее реализацию, хотя, впрочем, и заверяли в своей приверженности законной и легальной деятельности. [24] В целом по своим идейным взглядам «Садаи авам» была близка к газетам «Хальк» и «Парчам». Вокруг нее объединялась относительно небольшая группа представителей мелкобуржуазной, демократически настроенной интеллигенции и государственных служащих. Несмотря на свою малочисленность, они на парламентских выборах 1965 года провели в нижнюю палату несколько своих членов во главе с д-ром А.К.Фарзаном и вместе с депутатами от НДПА образовали в Вулуси джирге фракцию демократического меньшинства. Газета «Садаи авам» просуществовала неполных три месяца и после выхода в свет 17 номера была закрыта в связи с уходом ее главного редактора, однако политическая деятельность ее сторонников (особенно среди студенческой молодежи и чиновничества столицы) на этом не прекратилась.

В 60-х годах среди радикально настроенной мелкобуржуазной интеллигенции и чиновничества Афганистана и особенно среди столичной студенческой и учащейся молодежи получили распространение левозэкстремистские взгляды и идеи. Первоначально центром притяжения для этих элементов явился кружок по изучению революционной теории, во главе которого стояли члены популярной среди радикалов-разночинцев семьи Махмуди – д-р Абдурахим Махмуди и д-р Абдул Хади Махмуди (соответственно брат и племянник д-ра Абдурахмана Махмуди). После неудавшейся попытки создания партии «Объединенный национальный фронт Афганистана» и распада комитета по ее организации, в который входил в числе других и д-р Абдурахим Махмуди, его сторонники-студенты Кабульского университета осенью 1965 года в разгар студенческих волнений создали «Организацию прогрессивной молодежи», получившую позже название «Джарйане шоалеи джавид» (Движение «Вечное пламя»). Социальный состав его участников был довольно пестрым и представлял как выходцами из полупролетарских и мелкобуржуазных слоев, так и из состоятельных семей. Что касается национальной принадлежности, то в их рядах преобладали представители национальных меньшинств, прежде всего хазарейцы, ядро которых во главе с братьями Садеком Яри и Акрамом Яри, принадлежавшими к влиятельному семейству Чокри, составляло в Шоалеи джавид ее наиболее экстремистскую часть. [25] Широкое представительство в организации хазарейского элемента явилось следствием не только давно накопившегося «бунтарского» заряда среди данного этноса на почве его глубокого недовольства своим социальным и национальным неравенством и униженностью, но и проникновением и деятельностью в его рядах китайской агентуры, избравшей Хазараджат в качестве полигона для подтверждения маоистской доктрины «народной войны». Здесь следует заметить, что в первое время существования упомянутой организации в ее идейных позициях и деятельности не находили какого-либо заметного проявления ультрареволюционные воззрения и лишь спустя несколько лет, под влиянием маоистской пропаганды и усиления советско-китайской идеологической конфронтации ее левозэкстремистская, маоистская ориентация стала определяющей.

Печатным органом организации была еженедельная газета «Шоалеи джавид» («Вечное пламя»), выходившая в Кабуле на языках дари и пушту с 4 апреля по 10 июля 1968 года. В ее подзаголовке указывалось, что она является «Органом новой демократической мысли» (в связи с этим члены данной политической группировки называли себя «новыми демократами»). Издателем и главным редактором газеты был д-р Абдурахим Махмуди, а ее активными авторами – д-р Абдул Хади Махмуди, инженер Мухаммад Осман (Ланди), Абдулла Махмуди, Васеф Бахтари, Асад и другие.

Программные установки «Шоалеи джавид» в их общих чертах были изложены в статье Абдурахима Махмуди «Цели нашего издания», опубликованной в первом номере газеты. Говоря о предназначении газеты, ее издатель указал, что она призвана всесторонне и глубоко раскрыть причины отсталости страны и бедственного положения ее населения, ознакомить с этими причинами народ и повести его «по пути решительного и последовательного освобождения на основе новой прогрессивной идеологии нашей эпохи» (имелся в виду марксизм. – М.С.). В числе основных задач движения А.Р.Махмуди называл: 1) в национальном вопросе – достижение «подлинного экономического, политического, общественного и культурного равенства всех национальностей и национальных меньшинств»; 2) в международной сфере – «поддержку национально-освободительных движений народов» и разоблачение «всех интриг, преследующих цель представить эти движения как опасность для дела мира»; 3) в области экономики – борьбу против вовлечения афганской экономики на путь полуколониального развития и открытие пути «к становлению подлинной независимости национальной экономики»; 4) в области культуры – борьбу «против отжившей феодальной культуры и влияния порочной культуры колониализма», сохранение «культурного наследия трудового народа под сенью новой культуры современной эпохи»; 5) в идеологической области – «ознакомление масс с передовой идеологией» и борьбу «с различными идеологическими отклонениями как на национальном, так и международном уровнях». Касаясь проблемы Пуштунистана, автор статьи ушел от ответа на вопрос о путях ее решения и лишь туманно констатировал, что «правящий класс, держащий в цепях собственный народ, никогда не сможет освободить от цепей другой народ». [26]

Одним из первых вопросов, которые стали предметом анализа на страницах «Шоалеи джавид» (как, впрочем, в это же время и в газете «Парчам»), был вопрос о классовом составе афганского общества и характере социально-классовых отношений в стране. Наиболее полно он был раскрыт в статье М.Османа «Взгляд на современные классовые отношения в нашем обществе», опубликованной в двух номерах газе-

ты за 4 и 11 апреля 1968 года. По его взглядам, Афганистан того времени «с экономической точки зрения являлся полукOLONиальной страной», в которой в основном господствовал «феодальный способ производства». Отталкиваясь от этой посылки и характеризуя классовую структуру афганского общества в соответствии с маоистской идеологической схемой, он делил общество на эксплуататоров (купцы-компраторы и помещики), производителей (рабочие и крестьяне) и так называемый «средний класс», куда относил мелких чиновников и торговцев, интеллигенцию, средних землевладельцев, ремесленников, национальную буржуазию. Купцы-компраторы и помещики, причислявшиеся им к «внутренним врагам», делились на «бюрократов» (то есть тех, кто находился на службе в государственном аппарате) и «небюрократов» (всех остальных). «Производительные классы» подразделялись, в свою очередь, на три группы: «угнетенных» (сюда относились те, кто не владел никакими средствами производства; под ними понимались, видимо, рабочие и батраки); «полуугнетенных» (те, кто владел примитивными средствами производства, как-то: ремесленники, кустари, мелкие торговцы) и крестьянство – «главный производитель богатств». [27] Идеологи «Шоалеи джавид» рассматривали крестьянство, составлявшее большинство населения страны, как главную движущую силу революционного движения, как класс-гегемон, способный сплотить вокруг себя «угнетенных» и «средний класс», повести их за собой в борьбе против империализма и феодализма и «довести освободительное, демократическое движение до его конечных и действительных целей», то есть социализма. [28]

Афганские ультралевые, выдвигая задачи захвата политической власти, ликвидации существовавшего строя и создания справедливой общественной системы, ориентировались исключительно на использование силы и насилия в политической борьбе и отвергали другие, «мирные» формы и средства борьбы, в частности участие в парламентской деятельности, называя ее «обманом трудящихся масс». Хотя они и говорили о намерении бороться за создание правительства национальной демократии, однако мыслили его без участия представителей национальной буржуазии, что на деле означало не что иное, как отказ от идеи национальной демократии. [29]

Идейные и политические установки группировки Шоалеи джавид не были пустыми декларациями. Она активно включилась в политическую борьбу, провоцируя при этом столкновения с властями и используя нередко силу против своих идейных противников. Уже в середине июня 1968 года ее лидеры организовали у столичного кинотеатра «Памир» массовый митинг с участием рабочих завода «Джангалак» и городских жителей, преимущественно хазарейцев. Митинг закончился столкновениями с полицией и жандармерией, в ходе которых несколько рабочих были убиты. За провоцирование беспорядков были арестованы и приговорены судом к различным срокам тюремного заключения (от шести месяцев до 13 лет) 14 членов организации, в том числе М.Осман и А.Хади Махмуди. Вслед за этим были арестованы еще шесть ее сторонников. В итоге группировка Шоалеи джавид была обезглавлена. Правда, часть активных деятелей организации (д-р Абдулла, Сефи, Азим Махмуди, Тахер Мохсени, Наджиб и др.) уже в декабре этого же года были выпущены из тюрьмы Димазанг. Однако ее главные руководители остались за решеткой. Через месяц после их ареста была закрыта и газета «Шоалеи джавид».

Трагические последствия акций открытого политического авантюризма и репрессий властей против Шоалеи джавид вызвали в рядах организации и среди ее сторонников недовольство деятельностью «семьи Махмуди» и раздоры по поводу, главным образом, тактики и форм борьбы. Но, пожалуй, одним из весьма показательных результатов экстремизма афганских маоистов в тот момент явилась утрата ими доверия в среде рабочих. Как признавали сами шоалеевцы, после событий июня 1968 года «рабочие отошли от участия в политической деятельности организации». Распри среди руководства Шоалеи джавид привели к нескольким расколам. Вначале от организации откололась часть ее членов и образовала две самостоятельные группировки – первая во главе с братьями Яри, назвавшая себя «Организацией молодых марксистов», и вторая («Группа критиков») под руководством М.Османа (Ланди). Затем в 1971 году из Шоалеи джавид вышла группировка «Революционный отряд народов Афганистана». Таким образом, организация афганских ультралевых распалась на ряд групп и течений. Однако в открытой деятельности они продолжали пользоваться ее прежним названием, создавая этим видимость единства. [30]

В условиях разочарования рабочих в лозунгах и призывах шоалеевцев последние активизировали работу среди мелкобуржуазной молодежи и интеллигенции. И надо сказать, в этой социальной среде, где бунтарские настроения всегда имели довольно глубокие корни, они нашли немало своих сторонников и последователей. Опираясь на их поддержку и нередко действуя вместе с правыми клерикалами, левоэкстремистские группировки в 1968-1973 годах инспирировали многие выступления студенческой и учащейся молодежи, сопровождавшиеся, как правило, нападениями на активистов НДПА и других демократических организаций. Так это, например, случилось весной 1969 года во время выступлений студентов Кабульского университета. Вслед за данным инцидентом власти арестовали около 30 членов Шоалеи джавид. 24 октября 1971 года в Герате во время демонстрации по случаю годовщины событий 3 акраба ими был убит ударом ножа юноша-халькист Абдул Кадыр, несший красный флаг, и несколько членов НДПА ранены. Весной 1972 года в ходе первомайской демонстрации в Кабуле афганские маоисты учинили драку с другими ее участниками. [31] Следует отметить, что афганские ультралевые занимали особо непримиримую позицию в отношении обеих фракций НДПА и видели в них, наряду с монархическим режимом, главную цель своей борьбы. В начале 70-х годов шоалеевцы (в частности группа М.Османа), не удовлетворившись легальными формами борьбы, предприняли попытку создать вооруженные отряды в провинциях для ведения партизанской войны против властей, а летом 1975 года поддержали антиправительственное вооруженное выступление в Панджшере, Бадахшане и некоторых других районах страны, организованное правыми исламскими экстремистами.

Несмотря на расколы в организации, шоалеевцы тем не менее пользовались заметным влиянием в Кабульском университете, Кабульском политехническом институте и столичных лицеях. В конце 1971 года

они получили на выборах в Совет Ассоциации студентов Кабульского университета 21 место из 49, а в Исполнительный комитет Совета – 4 из 13 мест. [32] Не менее значительное представительство маоисты имели и в Союзе преподавателей университета (Шоалеи джавид – 8 мест, Хальк – 13 и остальные – независимые). Члены Шоалеи джавид действовали также среди афганских студентов, обучавшихся за рубежом, в частности в Советском Союзе и в странах Западной Европы. В ФРГ афганские маоисты выпускали свою газету «Гахр» («Гнев») с подзаголовком «Орган афганских марксистов за рубежом».

В целом деятельность промаоистских группировок в Афганистане пагубно отражалась на оппозиционном демократическом движении. Они вносили раскол в ряды прогрессивных сил, компрометировали их своими экстремистскими действиями и постоянно давали повод властям для репрессий и гонений против приверженцев левых взглядов.

Заключая сказанное выше, следует отметить, что среди разношерстной афганской оппозиции правящие монархические власти больше всего беспокоили деятельность леводемократических сил и неуклонный рост их влияния и популярности в кругах политизированной городской общественности, особенно в столице. В связи с этим монархия стала лихорадочно искать пути и средства, чтобы остановить распространение «левой заразы» и поставить заслон дальнейшему углублению кризиса в обществе.

3.2 Клерикальная и правозэкстремистская оппозиция и их печатные органы

В Афганистане в последней трети XX в., в условиях углубления общенационального кризиса, на арене общественно-политической борьбы, наряду с левым экстремизмом, появился воинственный правый экстремизм, ядро которого было представлено консервативно-клерикальными кругами. Следует заметить, что общественная активность правых клерикальных сил и их вторжение в политику не являлось для Афганистана чем-то новым. Ретроспективный взгляд на афганскую историю лишь XX в. позволяет утверждать, что клерикалы и ультраконсерваторы постоянно вмешивались в политическую жизнь Афганистана. Вспомним хотя бы, к примеру: деятельность в начале века «староафганцев», пытавшихся во что бы то ни стало сохранить в обществе незыблемость средневековых порядков и изоляцию страны от внешнего мира; оппозицию реформаторской деятельности эмира Амануллы в 20-х годах со стороны духовных авторитетов – Фазль Омара Моджаддеди (нур аль-машайех), Мухаммада Садека Моджаддеди, Мухаммада Масума Моджаддеди, Халифа Казали Айка, Нематуллы Кадияни, муллы Абдул Ахада, Сабхана Вардаки, Абдул Алима из Чарасайяба, Нур Али Кохнафоруша, Хамидуллы (Ахунд-заде Саиб из Тахаба или Пире Тагави), кази Абдурахман-хана, кази Фазль аль-Хака, кази Кадера Пагмани, Абдул Хенан-хана, муллы Кандагара, Герата, Нангархара и других; антиправительственное восстание 1924 года в Хосте (Пактия) под предводительством муллы Абдуллы Ленга и Абдуррашида и при непосредственном покровительстве Мухаммада Садека Моджаддеди и других видных кабульских духовных деятелей; мятеж племен шинвари в 1928 году, возглавленный муллами Мухаммадом Алямом и Мухаммадом Афзалем; поддержку Бачаи Сакао со стороны известных духовных авторитетов страны; выступление духовенства в 1959 году против снятия женщинами чадры и т.д. [33]

Политическая активность клерикально-консервативных кругов значительно усилилась и приобрела общенациональный характер в 60-х годах, особенно после принятия новой конституции страны. В рассматриваемое время, как и прежде, во главе правых, консервативных сил стояли видные духовные авторитеты, тесно связанные с правящими кругами и составлявшие наиболее влиятельную часть господствовавшей в стране элиты.

Следует, однако, отметить, что духовенство Афганистана на сей раз четко обнаружило разные подходы к проблемам внутренней и внешней политики правящих монархических кругов. В его среде выявились, по крайней мере, два основных течения, взгляды представителей каждого из которых по-своему отражали происходившие в стране перемены. Одна часть служителей культа, следуя в фарватере ответственности политики, стремилась приспособиться к новым социально-экономическим условиям, модернизировать ислам и таким образом сохранить за ним роль регулятора политических, социальных и семейно-бытовых отношений. [34] Данное течение было представлено в основном духовными деятелями (настоятелями крупных мечетей, проповедниками, чиновниками шариатских судов, преподавателями теологии), окончившими правительственные духовные учебные заведения.

Другая часть духовенства, составляющая его крайне правое крыло и принадлежащая, как правило, к известной в стране клерикальной элите – семействам Моджаддеди, Накиб Саиба Багдади и др. (см. Приложение 5), не хотела примириться с перспективой потери своих привилегий, прав и доходов и пыталась во что бы то ни стало сохранить прежнее влияние религии на общество, увековечить полуфеодалные порядки и не допустить модернизации общественно-политической жизни страны. Эта часть духовников активно выступала не только против демократических сил страны, но и оказывала противодействие всем предпринятым сверху мероприятиям (по своей сути ординарным) в политической, социальной и экономической областях, усматривая в них угрозу своему влиянию. Объектом нападков правых клерикалов стали и расширявшиеся в то время советско-афганские экономические и культурные связи. В частности, в 1955 году во время дружественного визита руководящих деятелей СССР в Кабул при прямом подстрекательстве Моджаддеди была предпринята попытка организовать антисоветские провокации в районе резиденции советской делегации в Чехель-сотун.

Антиправительственные выступления ортодоксов-клерикалов заставили афганские монархические круги еще в 50-х годах прибегнуть к репрессивным мерам в отношении их наиболее фанатичных и воинствующих представителей. Некоторые из них, в том числе Себгатулла Моджаддеди, были брошены в тюрьму, другие – лишены права выезжать за границу, ряд мулл-зачинщиков кандагарского мятежа 1959 года – повешены. Прекратил свое функционирование и официальный высший орган духовенства – Совет

улемов. Однако и после этого деятельность клерикалов и их вмешательство в государственные дела фактически не прекращались.

С приходом к власти кабинета М.Х.Майвандваля в ноябре 1965 года, когда обстановка в стране резко обострилась и внутривластный климат все больше стал определяться активностью леворадикальной оппозиции, отношение официальных кругов к крайне правому духовенству изменилось. Они решили привлечь его на свою сторону и с его помощью усилить наступление на левые силы. Сидевшие в тюрьме духовники получили свободу и сразу же включились в борьбу против «врагов ислама и родины». На политической арене снова появился Себгатулла Моджаддеди. Еще больше активизировались контакты и координация действий между высшим духовенством и придворным кланом Шах Вали и Абдул Вали. Возобновил свою деятельность Совет улемов. Влиятельным духовным деятелям было разрешено использовать не только парламентскую трибуну для подстрекательских речей, но и печатать в государственной типографии разного рода пропагандистские материалы, направленные против демократических, прогрессивных сил.

Яростным атакам, в том числе и физическому давлению, начали подвергаться прежде всего демократические элементы, их организации и печатные органы. Так, в ноябре 1966 года при подстрекательстве высшего духовенства, и в первую очередь семейства Моджаддеди, в парламенте было организовано избивание депутатов, выражавших взгляды демократической оппозиции. Эта расправа вызвала ликование среди консервативных служителей культа, которые в своих проповедях в ряде мечетей Кабула не преминули назвать ее непосредственных зачинщиков – Абдурашида и Саду-хана «истинными патриотами» и «верными защитниками ислама», покарвавшими зло в лице «безродных коммунистов».

Несколько ранее, в апреле 1966 года, после опубликования в газете «Хальк» программы народно-демократического движения сенатор Мухаммад Хашим Моджаддеди и его сторонники выступили с призывом «задушить в зародыше чуждое исламу течение» и расправиться с «коммунистами» по образцу «действий братьев-мусульман Индонезии» (имеется в виду событие в Индонезии осенью 1965 года. – М.С.). Вслед за этим в столицу из южных провинций были вызваны до 400 мулл, которые на своем собрании потребовали запретить указанную газету. В итоге в мае власти запретили ее издание. Та же участь постигла и газету «Пейаме эмуруз».

Особое внимание в религиозной пропаганде, широко проводившейся в стране через официальные органы печати и радио и с кафедр мечетей, отводилось обоснованию универсальности «исламского пути развития» (в противовес иного рода концепциям демократических сил) и преимуществ ислама как «самой прогрессивной религии мира», воплощающей в себе, как говорилось в передовице газеты «Кабул Таймс», «социальную справедливость», совершенную «мусульманскую демократию», «равенство всех людей без какой-либо дискриминации», в том числе и «равенство в экономической области». [35] Следует заметить, что в рассматриваемые годы роль методического и координирующего центра по вопросам религиозной пропаганды пытались взять на себя официальные правительственные органы, в частности идеологический департамент министерства печати и информации Афганистана. Показательно, что руководителем этого департамента в кабинете М.Юсуфа был представитель клерикальной элиты, известный духовник маулави Мухаммад Шах Эршад.

Начиная со второй половины 60-х годов, влиятельные религиозные деятели стали при активном содействии властей широко практиковать проведение конференций в различных районах страны, привлекая к участию в них как местное духовенство, так и население, прежде всего учащуюся молодежь. Основным вопросом, обсуждавшимся на указанных конференциях, являлась борьба против распространения в обществе идейных взглядов, «несовместимых с религией». Таким путем верхушка духовенства стремилась установить единое для всей страны содержание религиозной пропаганды и подключить к ее проведению весь многочисленный аппарат служителей культа.

Клерикалы, напуганные ростом популярности левых идей среди определенной части афганского общества и перспективой дальнейшей утраты монополии на идейное влияние среди населения страны, развернули в 60-х годах кампанию по дискредитации и опровержению материалистических взглядов. На этом поприще особенно усердствовал выходящий с 1952 года специальный еженедельник клерикального направления «Пейаме хакк» («Послание истины»), который распространялся в большом количестве экземпляров среди населения и в армии.

Одной из форм в арсенале политико-идеологических усилий ортодоксальной части духовенства Афганистана в рассматриваемый период были публикации и распространение злопыхательских антисоветских листовок и памфлетов. В этой связи заслуживает упоминания памфлет, составленный в начале 1967 года и распространенный от имени сенатора М.Х.Моджаддеди в Кабуле и других городах страны. В нем грубо извращались положения марксизма по вопросам свободы личности, семьи и брака, отношения к религии, фальсифицировались торговая политика, система социального страхования и пенсионного обеспечения в Советском Союзе, принижались успехи СССР в решении социально-экономических и других проблем.

Вместе с тем в памфлете резкой критике были подвергнуты политика и социальные декларации правительства Афганистана, в частности планы создания тяжелой промышленности, строительство нескольких государственных механизированных ферм, обещание «изучить вопрос о земельной реформе» и др.

Одновременно с усилением своего вмешательства в политическую жизнь страны правые духовные деятели Афганистана стали расширять и активизировать контакты с зарубежными исламскими кругами. Так, в июне 1966 года группа афганских духовников во главе с Мухаммадом Ибрагимом Моджаддеди (зия аль-машайех; с 1956 года он являлся главой клана Моджаддеди) посетила Иран и Саудовскую Аравию с целью установления сотрудничества и возможной координации действий с духовенством этих стран. В Афганистан, в свою очередь, зачастили делегации «Братьев-мусульман», которые делились опытом борь-

бы с «врагами ислама».

Следует отметить, что международные связи афганских клерикалов имели место и в прошлом. Что касается их связей с зарубежными исламскими экстремистами, то они начались сразу же после создания в Египте в 1928 году организации «Братьев-мусульман» (араб. – «Ихван аль-муслимин»). Пальма первенства в установлении тесных контактов и сотрудничества с египетскими ихванистами принадлежит, безусловно, семье Моджаддеди. [36] Один из ее известных представителей – Мухаммад Садек Моджаддеди, назначенный в 1929 году послом Афганистана в Египте, вскоре после приезда в Каир лично познакомился с основателем «Братьев-мусульман», ее «верховным наставником» («верховным муршидом») Хасаном аль-Банной и стал его близким другом и убежденным приверженцем. Приверженность идеологии и практике «братства» унаследовали Мухаммад Харун Моджаддеди, прибывший в 1948 году на учебу в Каирский богословский университет «Аль-Азхар». В этом же году оба – Харун и Себгатулла – примкнули к движению «Братьев-мусульман» и вошли в ближайшее окружение нового «верховного наставника» «братства» Хасана аль-Худайби (его предшественник Хасан аль-Банна был убит 12 февраля 1948 года). Указанные члены семьи Моджаддеди все последующие годы пребывания в Египте принимали активное участие в деятельности «братств», в том числе и в подготовке покушения на жизнь Гамаль Абдель Насера, совершенного в Александрии в октябре 1954 года. Их (Моджаддеди) причастность к этому заговору подтвердил в ходе судебного процесса один из покушавшихся – Махмуд Абдуллатиф. В соответствии с нормами международного права посол М.Садек Моджаддеди был объявлен персоной нон грата и выдворен из страны.

Возвратившись в Афганистан, Себгатулла Моджаддеди при покровительстве и поддержке клана Шах Вали-Абдул Вали приступил к распространению взглядов и идей ихванистов среди афганской общественности и привлечению на свою сторону видных духовников. В частности, ему удалось заручиться поддержкой таких религиозных авторитетов, как муллы Мескина Кухидамани, Мир Абдуссатара Логари и др. С.Моджаддеди пытался воздействовать и на тогдашнего премьер-министра М.Дауда, направив ему письмо с предостережением «об опасности роста советского влияния в Афганистане». [37] М.Дауд, не терпевший, как известно, правой исламской оппозиции себе и не скрывавший притом своей неприязни персонально к клану Моджаддеди, проигнорировал данное письмо. Курс его правительства на расширение и развитие всесторонних, взаимовыгодных связей с СССР продолжался. В 1960 году С.Моджаддеди, действуя по образцу и подобию своих наставников – египетских «Братьев-мусульман», принял участие в попытке покушения на членов находившейся в Кабуле советской правительственной делегации, за что был арестован и осужден. После четырех с половиной лет тюремного заключения он был выслан из страны на два года (жил, предположительно, в Саудовской Аравии). [38]

Перечень фактов и примеров из деятельности исламских фундаменталистов в Афганистане можно было бы продолжить, так как в указанные годы, как, впрочем, и раньше, не было, пожалуй, ни одного сколько-нибудь серьезного внутри- и внешнеполитического вопроса, который бы не оценивался ими с позиций ортодоксального ислама и не вызывал бы с их стороны той или иной реакции. И все же при всей их политической активности они долгое время, вплоть до середины 60-х годов, оставались организационно неоформленными. В этом им определенно мешали извечное соперничество и вражда между различными афганскими религиозными авторитетами и кланами. Однако в условиях, когда в афганском обществе усилились процессы консолидации разных политических сил и течений, от этого не остались в стороне и ультраправые, фундаменталистские элементы.

К сожалению, пока не представляется возможным со всей достоверностью раскрыть подлинную историю становления фундаменталистского движения в Афганистане. Дело в том, что, как правильно подметил советский автор Спольников В.Н., до 80-х годов афганские фундаменталисты, по примеру своих египетских наставников «Братьев-мусульман», действовали строго законспирированно и тщательно скрывали все то, что относилось к их организации, [39] а в последующем, когда на ее основе возникло несколько враждующих между собой группировок, их лидеры в стремлении возвеличить себя и показать свои «исторические» заслуги перед движением начали давать свои, отличные друг от друга версии возникновения и деятельности организации, содержащие немало искажений, вымысла, тенденциозных и ошибочных суждений. Не лишена также определенных противоречий и неточностей и литература об афганских «братях», изданная в Кабуле и за рубежом.

Начало складыванию исламской экстремистской организации в Афганистане было положено в середине 60-х годов в стенах Кабульского университета (а не в 1958 или даже 1957 году, как говорил об этом Б.Раббани [40]). По утверждению некоторых афганских авторов, крестным «отцом» и идейным вдохновителем организации явился один из старейших членов клана Моджаддеди – Мухаммад Садек Моджаддеди, возвратившийся в 1966 году в страну после 22-летнего пребывания на дипломатической службе за рубежом. [41] Занявшись на старости лет педагогической и пропагандистской деятельностью, он стал собирать вокруг себя выпускников исламского университета Аль-Азхар и некоторых студентов, разделявших взгляды и идеи «Братьев-мусульман». Плодом его усилий и деятельности среди богословов явилось создание им в 1971 году «Общества улемов Мухаммади» («Джамиате уламаи Мухаммади»), а несколько позже и «Общества служителей Корана» («Джамиате ходдам аль-форкан»), получивших поддержку как двора, так и многих влиятельных религиозных деятелей. Что касается студенческой молодежи, то все бремя идейной и организационной работы в ее среде взял на себя Гулям Мухаммад Ниязи, профессор богословия, декан теологического факультета Кабульского университета, близкий человек Моджаддеди (еще будучи студентом Каирского университета Аль-Азхар, он был вхож в семью М.Садека Моджаддеди, дружил и жил вместе с С.Моджаддеди [42]). В 1965 году (по другим данным, в 1964 году) он организовал первый фундаменталистский кружок. В него вошли преимущественно студенты теологического факультета Кабульского университета Абдулрахим Ниязи, Абдулрасул Сайяф, Голь Мухаммад, Атиш Раббани, Сеид Абдулрахман, Абдул Кадыр Тавана, маулави Хабибулрахман, а также студент медицинского фа-

культета Мухаммад Омар. Тот факт, что именно Г.М.Ниязи (а не М.С.Моджаддеди) явился создателем и идейным наставником названного кружка, объясняется не только его служебным положением как декана факультета и связанными с этим благоприятными возможностями для организации и деятельности кружка, но, главное, как считает афганский автор Рошан, непопулярностью семьи Моджаддеди среди студенчества и интеллигенции из-за закрепившейся за ней недоброй славы агентов Запада и той неблагоприятной роли, которую хазраты Шур Базар играли в судьбах страны на протяжении первой-начала второй половины XX в. [43]

Чуть позже на инженерном факультете университета возник другой фундаменталистский кружок, ядро которого составили студенты этого факультета Гульбедин Хекматъяр и Сайфулдин Насратъяр, а также студент Кабульского политехнического института Хабибулламан. [44] Оба кружка в первые годы своего функционирования особо не обнаруживали себя и занимались в основном изучением идейных основ и опыта деятельности «братства», обсуждением общественно-политической ситуации в стране и дискуссиями по поводу программы и структуры будущей организации. В 1969 году (по другим данным, в 1968 году [45]) при непосредственном покровительстве и содействии Г.М.Ниязи (из соображений осторожности он всегда предпочитал держаться за «кулисами» движения) произошло объединение обоих кружков и создание на их базе организации «Мусульманская молодежь». В руководящие органы организации – Высший и Исполнительный советы – вошли студенты и некоторые преподаватели университета Абдулламан Ниязи, Г.Хекматъяр, Бурхануддин Раббани (преподаватель философии на факультетах теологии, литературы, политических наук), А.Сайяф, Хабибулламан (КПИ), Голь Мухаммад, С.Насратъяр. [46] В составе организации действовали различные секции, в частности военная (ее возглавлял сначала Хабибулламан, а после его ареста – Г.Хекматъяр; эта секция вела работу в армии, а также занималась организацией и проведением митингов и демонстраций), секция по выявлению «неисламских» студенческих групп и их членов и борьбе с ними и др. Большое внимание уделялось организации и проведению агитационной работы среди населения, распространению исламской литературы и клерикальных печатных изданий, привлечению новых членов и созданию ячеек как в Университете, так и вне его, в том числе и в провинциях. [47] Деятельностью организации на периферии руководил Б.Раббани.

Нужно отметить, что идеи исламского фундаментализма нашли много сторонников и сочувствующих в афганском глубоко религиозном обществе, особенно в среде мелкобуржуазной интеллигенции, студенческой и учащейся молодежи, чиновничества, люмпенов. Уже в начале 70-х годов общая численность активистов движения, видимо, превышала 5 тысяч человек. [48] Организация «Мусульманская молодежь» заметно укрепила свое влияние в руководящем студенческом органе Афганистана – Совете Ассоциации студентов, заняв в нем в 1971 году 9 из 49 мест.

«Мусульманская молодежь» сразу же после своего создания активно включилась в политическую борьбу, прежде всего против левых, прогрессивных сил, а также против тех кругов правящего режима, которые стремились к определенной модернизации общественно-политической и экономической жизни страны. Она, вдохновляясь идеями и взглядами египетских «Братьев-мусульман», стала открыто выступать за возвращение Афганистана к средневековым порядкам, ополчаться против распространения в стране демократических идей, прибегать, особенно в стенах Кабульского университета, к актам физического насилия в отношении всех, кто не разделял ее взгляды, провоцировать антиправительственные и антисоветские выступления, используя для этого нередко разного рода надуманные предлоги. Так, к примеру, в начале 1971 года члены этой организации обратились к студентам с призывом провести демонстрацию у здания советского посольства в Кабуле в связи с показом в Кабульском университете советского фильма «Сорок первый», отдельные кадры которого были ими злонамеренно истолкованы как «вмешательство в вопросы веры страны».

«Мусульманская молодежь» одним из главных методов своих действий избрала насилие и индивидуальный политический террор, руководствуясь на сей счет советом верховного муршида «братства» Хасана аль-Банни, высказанным им своим последователям еще в 1928 году: «Ликвидируйте каждого, кто не с вами, так как тот, кто не с вами, есть ваш враг». [49] На этом поприще в «послужном» списке организации было немало черных дел. В их числе – убийства инакомыслящих и неугодных лиц (к примеру, в 1969 году – одного из студентов Кабульского университета; 25 октября 1971 года в Лагмане – члена НДПА Абдулламана; в июне 1972 года – функционера Шоалеи джавид Сайдала Сохандана (как пишет индийский исследователь С.Мукерджи, этот террористический акт был совершен лично Г.Хекматъяром [50]); осенью 1977 года – пилота компании «Арьяна» Инама Грана, которого террористы по ошибке приняли за Б.Кармаля; 16 ноября 1977 года – одного из немногих оставшихся в правительстве М.Дауда прогрессивных деятелей, министра планирования Али Ахмада Хоррама и т.д.), разбрызгивание с помощью подростков серной кислоты на лица и другие открытые части тела женщин и девушек, снявших чадру, в результате чего десятки из них были обезображены или даже потеряли зрение, поджоги и разгром лавок, кинотеатров и книжных киосков (например, в Джалалабаде, уездах Панджшер и Ханабад), уличные драки и нападения на участников собраний, демонстраций и митингов демократических сил в столице и провинциях (так, в 1972 году члены «Мусульманской молодежи» устроили побоище с участниками первомайских демонстраций в Кабуле, Кундузе и ряде других городов, а в июне этого же года завязали в Кабульском университете драку со сторонниками Шоалеи джавид, в результате которой один студент был убит и 24 ранены [51]) и, наконец, подготовка и проведение антиправительственных заговоров и мятежей. По некоторым данным, члены «Мусульманской молодежи» занимались также сбором «компрометирующих» сведений об активистах демократических, прогрессивных движений и организаций, в первую очередь НДПА, и доносили на них в органы тайной полиции. [52] И все это совершалось под флагом «защиты ислама».

«Мусульманская молодежь» явилась первой в Афганистане фундаменталистской политической организацией. Она имела четкую организационную структуру и довольно значительное число членов, сторонни-

ков и сочувствующих, была спаяна крепкой дисциплиной и выполняла роль ударного отряда крайне правой исламской оппозиции. У арабских «Братьев-мусульман» она в полной мере позаимствовала такие их принципы и постулаты, как религиозный фанатизм, аскетизм, жертвенность, индивидуальный террор и призывы к «священной войне» («джихаду») во имя защиты исламских ценностей, созданию исламского государства, объединению всех единоверцев-мусульман.

Характеристика организации «Мусульманская молодежь» была бы неполной, если не сказать о ее месте в фундаменталистском движении Афганистана и связях с другими, идентичными по взглядам, группировками. На мой взгляд, «Мусульманская молодежь», несмотря на преимущественное представительство в ее рядах молодых людей (кстати, такое положение было характерно и для НДПА, Афган меллят и других политических организаций) и слово «молодежь» в ее названии, вряд ли следует считать, как это делают некоторые авторы, чисто молодежной организацией, как, впрочем, и молодежным филиалом «Братьев-мусульман». И структурно, со всеми ее атрибутами – высшими руководящими органами и низовыми звеньями, и политически она с самого начала ее появления оставалась самостоятельной организацией, исповедовавшей идеологию «братства» и осуществлявшей на практике его лозунги и цели. В ее рядах состояли не только представители студенческой и учащейся молодежи, но и преподаватели, чиновники, военные. Влияние на нее со стороны отдельных авторитетных духовников-ортодоксов, безусловно, было очень сильным. Однако она не была связана с какой-то организацией «Братьев-мусульман» и не могла быть ее «филиалом» по той простой причине, что в рассматриваемые годы, да и позже, в Афганистане не существовало политической группировки под таким названием. Встречавшиеся в советской печати утверждения о наличии в стране организации (или даже партии) «Братьев-мусульман» проистекали, по всей вероятности, из того, что в 60-70-х годах местные, афганские, средства массовой информации обычно под общим названием «Ихван аль-муслемин» объединяли все разрозненные фундаменталистские группировки. К ним, в частности, они относили уже упоминавшиеся выше «Общество улемов Мухаммади», «Общество слугителей Корана», «Мусульманскую молодежь», а также численно небольшие группы «Тавабин» во главе с маулави Мухаммадом Юнусом Халесом, «Афганскую партию Али» С.А.Гилани и другие. Таким образом, под организацией «Братьев-мусульман» в Афганистане следует понимать собственно не организацию, а политическое течение, представленное несколькими самостоятельными фундаменталистскими центрами и группами.

Разрозненность указанных группировок, естественно, ослабляла фундаменталистское движение в стране. Это понимали как их лидеры, так и близкие к ним по взглядам представители правящей верхушки и принимали меры к согласованию и объединению своих усилий. Своеобразным центром по координации действий ультраконсервативных сил являлась вилла Себгатуллы Моджаддеди на водохранилище Карга (близ Кабула), где собирались духовные деятели, члены клана Шах Вали – Абдул Вали, иностранные (американские) граждане. Последние, в совершенстве владевшие языком дари и пушту, по свидетельству одного афганского автора, посещали указанную виллу регулярно, дважды в неделю, под предлогом «подготовки к принятию мусульманской веры». [53] Попытки объединить и направить деятельность фундаменталистских кругов в угодное для правящего режима русло предпринимались и «сверху», по правительственной линии. Особую активность в этом в рассматриваемые годы проявлял руководитель идеологического департамента министерства печати и информации маулави Мухаммад Шах Эршад. В своих многочисленных статьях, публиковавшихся в официальной прессе, он излагал в основном те же мысли и идеи, которые были характерны для частных изданий ортодоксального исламского толка.

Таковыми частными изданиями являлись газеты «Гахидз» («Утро»), «Хайбар», «Недай хакк» («Голос истины») и журнал «Ислам». Все они выходили в 1968-1972 годах и пользовались покровительством двора, особенно сардара Абдул Вали, как в вопросах издания, так и распространения. [54] Издателем и главным редактором «Гахидз», основанной 26 января 1969 года, и журнала «Ислам» был Менхаджуддин Гахидз (после его убийства в 1972 году неизвестными лицами газету редактировал Абдул Салим Фергани [55]). В авторский актив газеты входили Мухаммад Юнус Хайран, Мухаммад Юнус Халес, маулина Моджахед, Б.Раббани. Она была выразительницей идей и взглядов фундаменталистского движения в Афганистане. Однако, принимая во внимание принадлежность М.Гахидза к «Мусульманской молодежи» и состав авторов газеты, есть основания считать «Гахидз» в определенной мере рупором названной организации. Газета «Хайбар» начала издаваться несколько раньше, с 10 ноября 1968 года. Но 29 октября 1969 года ее издание было прекращено по решению ее издателя и главного редактора Мухибуррахмана Хуса и возобновлено 1 ноября 1971 года. Активными авторами газеты являлись маулави Мухаммад Хасан Касим Арьян, Биби Голь, Хабиб Панджшери, Устад Пашаи, Мухаммад Мехди Мухтар. Что касается еженедельника «Недай хакк» (издатель – маулави Абдул Саттар Сиддики и главный редактор – Гулям Наби Зормати), то он выходил непродолжительное время с 15 сентября 1971 года по 18 ноября 1972 года и был закрыт из-за финансовых трудностей.

Указанные частные издания по своему идейному и политическому содержанию мало чем отличились друг от друга, хотя наиболее полно и последовательно оно было изложено в публикациях «Гахидз», вышедшей в течение нескольких лет, то есть значительно дольше по времени по сравнению с другими подобного рода изданиями. В подзаголовке газеты указывалось, что она является «Органом религиозной, общественной, политической и национальной свободы». Целями ее издания провозглашались «борьба с безбожием», защита и показ прогрессивного, универсального значения исламского учения для жизни афганского общества. [56] «Ислам, – говорилось в одной из статей, – руководит личной и общественной жизнью и управляет всеми сторонами. Ислам воплощает в себе указания на все случаи жизни, применительно для всех эпох и этапов, для экономики и политики». [57] Выступая за «исламский путь развития» общества (по выражению газеты «Хайбар», «афгано-исламскую демократию»), издатели «Гахидз» призывали каждого афганца неукоснительно соблюдать требования ислама. Только в таком случае, утверждали

они, «мы избавимся от отсталости и несправедливости и достигнем своих целей». [58] Особые надежды при этом возлагались на молодежь, которая, как писала газета, должна «ценой своей крови защитить веру и бороться за то, чтобы сохранить исламскую духовность в том виде, как ее дал господь, и уберечь страну от колониализма и извращений ислама». [59]

«Гахидз» отвергала как социализм с его безбожием, так и капитализм с присущими ему социальными пороками и неравенством. Обе системы, по мнению газеты, неприемлемы для мусульманских стран, так как разрушают религию и традиции, противопоставляют детей отцам, «лихорадят народ, внося в его среду зерна пессимизма, раздоры, жестокость и ненависть». [60] Особо острой критике на страницах «Гахидз» подвергались социалистические идеи и взгляды.

Силы, группировавшиеся вокруг «Гахидз» и других крайне правых клерикально-консервативных изданий, особенно активизировались весной 1970 года, приняв участие в организации и проведении крупного антиправительственного выступления.

3.3. Антиправительственное выступление духовенства в апреле-июне 1970 года

Деятельность афганской оппозиции, как уже отмечалось, стала принимать особенно широкий размах с середины 60-х годов, вовлекая в свою орбиту все новые слои и группы населения. Для жизни афганских городов, и в особенности Кабула, постоянным явлением стали митинги и демонстрации, в которых принимали участие студенческая и учащаяся молодежь, рабочие, представители интеллигенции, чиновничества и другие городские жители. В сложившейся обстановке господствовавшая монархическая верхушка, стремясь удержать за собой контроль за общественной мыслью, ослабить остроту социальной критики и восстановить политическую стабильность в стране, резко активизировала противодействие всем оппозиционным течениям и взглядам. При этом особые надежды возлагались на мусульманскую религию и многочисленный аппарат духовенства.

Однако все усилия правящих кругов и верных им служителей культа не приносили сколько-нибудь заметных результатов и не остановили процесс распространения в обществе оппозиционных идей и взглядов. В этих условиях крайне правые консервативно-клерикальные круги решили прибегнуть к открытому массовому выступлению, наподобие тех, которые в 20-х годах XX в. принесли им несомненные успехи в борьбе против прогрессивных преобразований режима младоафганцев, с тем, чтобы не только нанести удар по левым силам и устранить их из политической жизни страны, но и заставить правящую верхушку отказаться от попыток проведения даже самых поверхностных, «косметических», реформ буржуазного характера. Предлогом к выступлению духовенства явился 99-й номер газеты «Парчам» от 22 апреля 1970 года, вышедший на 12 полосах большого формата и целиком посвященный В.И.Ленину и ленинизму, а также сообщением о праздновании ленинского юбилея в Афганистане. В этом номере газеты, как уже говорилось выше, было опубликовано и стихотворение «Горн революции», заканчивавшееся словами: «Слава этому великому вождю, великому Ленину!» («доруд бад бэ ан рахбар-е бозорг, Ленин-е кабир»).

Клерикалы, придравшись к слову «доруд» (буквально: поклон, приветствие, хвала), которое, по их мнению, может быть употреблено только по отношению к пророку Мухаммеду, обвинили издателей газеты в «нарушении исламской традиции», в «кошунстве против религии» и на этом основании потребовали запрещения газеты «Парчам».

По призыву влиятельных духовников, организовавших «Комитет, ответственный за дела ислама», в Кабул из различных районов страны, главным образом из южных и восточных провинций, прибыло не менее полутора тысяч служителей культа. Они сразу же приступили к проведению шумных сборищ, привлекая на свою сторону религиозно настроенную часть городского населения, прежде всего деклассированные элементы.

Двор и правительство вначале благосклонно отнеслись к данному выступлению клерикалов. Они разрешили консервативному духовенству ежедневно собираться в мечети «Пули-Хешти» – главной соборной мечети Кабула, устраивать при покровительстве полиции массовые шествия по улицам столицы под черными флагами и антикоммунистическими лозунгами, передавать через усилители чуть ли не на весь город подстрекательские речи мусульманских ораторов, а также использовать государственную типографию для печатания злобных листов.

Следует заметить, что в эти дни для прогрессивной общественности Афганистана не было никаких сомнений в том, что монархическая верхушка явно рассчитывает использовать консервативные клерикальные круги в качестве своеобразного буфера для ослабления деятельности группировок, требовавших глубоких социально-экономических и политических преобразований в стране, и вместе с тем, прикрываясь ссылками на выступление духовенства, как на некое требование «народа», оправдать репрессивные меры в отношении оппозиционных движений, неугодной частной прессы и их руководителей.

В течение первых дней шабаша духовенство выработало более десятка требований к правительству. Последнему в ультимативной форме предлагалось их выполнить. Главными из них были: запретить газету «Парчам» и наказать ее издателей; не допускать проникновения в страну коммунистических идей; запретить ношение мини-юбок и брюк-клевш молодыми людьми и ввести обязательное ношение национальной одежды; запретить демонстрацию иностранных фильмов, показывающих оголенных женщин; уволить женщин из государственных учреждений и дать работу всем мужчинам-кормильцам семей. Необходимо подчеркнуть, что духовные деятели, выдвигая эти и другие подобные требования, постоянно апеллировали к народным массам, широко спекулируя при этом и на их религиозных чувствах, и на их тяжелом материальном положении.

День ото дня число требований духовенства увеличивалось и вместе с ними все яснее становились политические позиции организаторов данного выступления. Кредо крайне правых духовных лидеров Афгани-

стана было отчетливо изложено в листовке, отпечатанной типографическим способом и распространявшейся в Кабуле и других городах страны в мае 1970 года. В ней поток брани был направлен прежде всего на советскую действительность. При этом на все лады перепевался тезис о «восточном империализме» и делалась бездоказательная попытка отождествить цели внешней политики Советского Союза с политикой Запада.

Авторы листовки обрушились также на политические течения и группировки в стране, как оппозиционные, так и проправительственные, обвиняя их в том, что все они «стремятся укрепить в стране позиции международного империализма» и «ликвидировать национальное единство». Далее в листовке утверждалось, что правящие круги Афганистана создают-де благоприятную почву для деятельности всех этих группировок и «плечом к плечу с ними выступают против ислама и религиозного движения». Листовка заканчивалась призывом к «обездоленным мусульманам» подниматься на «священную войну против всех антиисламских элементов», «против всех течений..., в поддержку священных положений религии». Весьма оригинальными были заключительные призывы-лозунги листовки: «Долой сторонников ленинизма!, Долой эксплуатацию Востока и западный империализм!, Смерть шпионам социал-империализма!, Смерть шпионам США и русского ГПУ!»

После опубликования указанной листовки стало абсолютно ясным, что выступление духовенства вышло из-под контроля правящих кругов и не оправдало их надежд. В этой обстановке династия и правительство, опасаясь, как бы дальнейшее развитие событий не привело к открытому антиправительственному мятежу, решили положить конец сборищам духовников. Вечером 24 мая 1970 года по кабульскому радио было передано правительственное сообщение, в котором после признания того, что клерикалы «стали подстрекать к противозаконным действиям», говорилось: «Правительство в целях сохранения порядка и общественной безопасности и в соответствии со своими обязанностями в данной области объявляет о прекращении этих сборищ. Силам безопасности даны на сей счет необходимые указания». [61]

В ночь с 24 на 25 мая войска, применив силу, вывезли из столицы всех духовников, прибывших сюда накануне из других провинций. Что касается влиятельных мусульманских деятелей – непосредственных вдохновителей и организаторов указанных событий, то они, убедившись в провале своих замыслов, поспешили заявить о своей лояльности режиму и «непричастности» к антиправительственному аспекту прошедшего.

Однако консервативное духовенство провинций не собиралось складывать оружие. Разъехавшись по городам и деревням страны, оно продолжало нагнетать обстановку. Особенно тревожное положение в связи с этим сложилось в конце мая в Мазари-Шарифе, Джалалабаде и некоторых других пунктах Афганистана.

Выступление клерикалов в Мазари-Шарифе началось еще 19 мая и проходило параллельно с кабульскими событиями. В нем принимали активное участие учащиеся медресе (духовной школы), муллы мечетей Мазари-Шарифа, приезжие служители культа из Ташкургана, Акчи, Шибиргана и других городов севера страны, а также люмпены города. Кроме того, духовенство пыталось привлечь на свою сторону рабочих-нефтяников, строителей автодороги и других объектов, сооружавшихся при технико-экономической помощи Советского Союза. Однако все эти попытки успеха не имели.

Духовники Мазари-Шарифа обращались за поддержкой не только к местным мусульманам, но и к мусульманам других стран, прежде всего Пакистана и Саудовской Аравии, стремясь таким образом заручиться иностранной поддержкой и придать своим действиям международный резонанс.

В ходе многодневных митингов и демонстраций в Мазари-Шарифе властям был предъявлен ряд требований, как-то: уволить губернатора провинции, поскольку он-де является «предателем родины и интересов ислама»; отстранить от службы Кари Абдул Гафура, настоятеля гробницы Али в Мазари-Шарифе, и ряд других мулл города, так как они якобы недостаточно компетентны в вопросах религии (главная причина этого требования заключалась, однако, в том, что Кари Абдул Гафур и другие муллы составляли проправительственную группировку духовенства и выступали, в противовес клерикалам-ортодоксам, за приспособление догм ислама к духу времени); запретить вход женщинам на территорию гробницы Али, поскольку большинство из них приходит-де не на молитву, а для охоты за богатыми молодыми людьми; запретить женщинам ходить в коротких платьях и юбках, потому что это противоречит законам ислама; разрушить театр Балхской провинции (в Мазари-Шарифе. – М.С.), а труппу его разогнать, так как на его сцене в большинстве своем выступают женщины (23 мая разбушевавшаяся толпа, не ожидая решения властей, разрушила сцену театра и разогнала труппу).

Продолжавшиеся несколько дней демонстрации и митинги в Мазари-Шарифе привели в замешательство местные власти, а губернатор провинции вынужден был бежать в Кабул. В конце мая, после того, как представители провинциальной администрации обещали на встрече с крайне правым духовенством выполнить большую часть его требований, обстановка в городе нормализовалась.

Но наиболее острый и драматический характер приняло выступление духовенства на востоке страны, в Джалалабаде. Здесь его возглавили муллы, накануне вывезенные из Кабула, низшее и среднее духовенство города, а также верхушка племени шинвари, недовольная мерами правительства по пресечению контрабанды товаров, которой она традиционно занималась в течение многих десятков лет попутно с перевозкой грузов своим автотранспортом из Пакистана в Афганистан и обратно. Высшие духовные деятели Джалалабада открытого участия в этом выступлении не принимали.

Джалалабадские события развивались следующим образом. Утром 27 мая по призыву духовенства в город из близлежащих населенных пунктов вошли не менее 2500 человек, в основном крестьян во главе со своими служителями культа, и остановились у главной мечети. К ним присоединились религиозно настроенные городские мелкие торговцы, ремесленники и кустари, а также значительное число деклассированных элементов. К полудню толпа уже составила не менее 5 тысяч человек.

Заправили этого сборища, выступая перед собравшимися, постарались с самого начала придать ему антисоветскую направленность. Они, имея в виду прежде всего советских специалистов, работавших на сооружении Джалалабадской ирригационной системы, выдвинули лозунги: «Иностранцы – кафиры, убийтесь домой!», «Своим пребыванием вы подрываете устои ислама!» и др.

Во второй половине дня наэлектризованная духовниками толпа двинулась к гостинице «Спингар», где обычно останавливались иностранцы, ворвалась в нее и начала ломать окна, двери и оборудование, выбросила всю мебель во двор и подожгла ее, выкрикивая при этом, что «гостиница растлевет молодежь». Такому же разгрому была подвергнута книжная лавка, витрина советско-афганской дружбы, кинотеатр, где со стены под крики «Король – кафир!» был сорван большой портрет Захир-шаха и разорван в клочья. Затем толпа, скандируя антиправительственные лозунги и восхваляя ислам, ринулась к женскому лицее и учинила в нем погром. К счастью, в этот день в лицее не было занятий и поэтому обошлось без человеческих жертв. Погромщики намеревались также захватить местную тюрьму и выпустить заключенных, однако успеха не имели.

Полиция неоднократно пыталась остановить бесчинства религиозных фанатиков, но была закидана камнями и палками. Убедившись, что полиция не в состоянии навести порядок, власти ввели в центр города армейские подразделения на танках и бронетранспортерах. Они окружили демонстрантов и потребовали разойтись. В ответ в солдат полетели камни, в результате чего 4-5 человек из них получили ранения. В создавшихся условиях войска произвели ряд предупредительных выстрелов в воздух. Только после этого толпа стала постепенно рассеиваться. Когда на площади осталось примерно 700-800 человек, полиция приступила к массовым арестам. Войска незамедлительно заняли центральные улицы и площади и перекрыли все дороги, ведущие в Джалалабад, а также связывающие между собой населенные пункты Джалалабадской долины. Одновременно часть войск была переброшена к афгано-пакистанской границе. Данная мера вызывалась необходимостью пресечь вмешательство в афганские события со стороны реакционных кругов мусульманского духовенства Пакистана, а также не допустить ситуации, которая могла бы привести к межгосударственному афгано-пакистанскому конфликту.

В последующие дни, несмотря на официальное запрещение, небольшие группы по 200-300 человек все еще продолжали проведение своих сборищ в окрестностях города. В этот период духовенство стало подстрекать население к поджогу государственной механизированной фермы «Газибад», построенной при финансовом и техническом содействии СССР в зоне Джалалабадской ирригационной системы. Чтобы не допустить этого, по распоряжению правительства для ее охраны было направлено несколько рот солдат на бронетранспортерах. Следует заметить, что и здесь, в Джалалабаде, как и в Мазари-Шарифе, афганские граждане, занятые на строительстве ирригационного комплекса, не принимали никакого участия в акциях консервативно-клерикальных сил, несмотря на их усиленные призывы.

В начале июня выступление крайне правых духовников повсеместно было подавлено. Не достигнув своих глобальных целей (если не считать запрета издания газеты «Парчам»), они перешли к акциям насилия и запугиванию в отношении тех, кто, по их взглядам, нарушал установления мусульманской религии. К примеру, в Кабуле, по сообщениям официальной прессы, было зарегистрировано много случаев разбрызгивания серной кислоты на открытые части тела женщин и девушек, которые появлялись на улицах города в европейском платье. Причем некоторые из них были госпитализированы. В качестве непосредственных исполнителей этих диких актов использовались подростки.

В афганские события апреля-июня 1970 года пытались вмешаться и зарубежные силы. В частности, в провоцировании джалалабадских беспорядков были замешаны пакистанские высшие духовные деятели. В числе арестованных оказалась и их агентура. Представляется совершенно не случайным, что король Саудовской Аравии избрал именно начало июня для своего официального визита в Афганистан, хотя приглашение посетить эту страну было сделано ему несколько лет тому назад. В этом явно прослеживалось стремление продемонстрировать поддержку афганским консервативно-клерикальным кругам в их борьбе против левых, демократических сил.

Итак, общественно-политическая борьба, развернувшаяся в Афганистане в 60-х годах, особенно в их второй половине, отчетливо показала, что правое крыло мусульманского духовенства во главе со своими влиятельными духовными лидерами по-прежнему оставалось основным ударным кулаком лагеря реакции в его борьбе против демократических группировок и одним из главных опор монархического режима. Хотя оно в последние десятилетия и утратило свои исключительные позиции в области духовного влияния на общество, тем не менее все еще представляло собой серьезную силу и располагало большими возможностями для вмешательства в общественно-политическую жизнь страны и государственные дела.

Характерными чертами поведения клерикальной верхушки в указанные годы являлись постоянное обращение за поддержкой к религиозным городским низам и обездоленным деревенским жителям, спекуляции на их тяжелом материальном положении, воинственные призывы к защите исламских традиций и освященного исламом социального порядка, подчеркивание при всяком удобном случае своей независимости от светских властей и оппозиции к ним. Всем этим она рассчитывала предстать в глазах темных и забитых масс своих последователей «защитниками» народных интересов и мусульманских ценностей и таким образом повысить свой религиозный и политический авторитет.

Что касается разногласий правого крыла клерикалов с династией, то они (эти разногласия) никогда не заходили далеко, носили неглубокий характер и ни в коем случае не затрагивали монархические устои власти. Мусульманские консервативные лидеры, выступая иногда с антиправительственных позиций, всего лишь хотели заставить правящие круги отказаться от осуществления рекламировавшихся планов либерализации монархического режима и ограниченных программ экономического обновления страны, а также подтолкнуть двор и правительство к более решительным действиям против демократической оппозиции.

Консервативно-клерикальные круги, как показали события апреля-июня 1970 года, не оставили попыток ослабить и подорвать советско-афганскую дружбу и столкнуть Афганистан с пути широкого сотрудничества с СССР. В этом сотрудничестве их пугал прежде всего социальный аспект: влияние социалистических идей на умы и сердца определенной части афганского общества. Вместе с тем в те весенние дни 1970 года еще одно убедительное подтверждение нашла та истина, что дружба с СССР имела в Афганистане глубокие корни и что в этой стране у него было много искренних и последовательных друзей. Их социальный диапазон был очень широк: от образованных средних городских слоев, которые в целом не только не поддержали акцию консервативных мусульманских кругов, но и с самого начала решительно осудили ее антисоветскую направленность, до простых, неграмотных тружеников, чьи симпатии к СССР оказались сильнее спекуляции на их религиозных чувствах.

Анализ афганской действительности второй половины XX в. позволяет сделать вывод о том, что начавшиеся в этой стране политические бури и потрясения были подготовлены всем предшествующим развитием афганского общества и явились закономерным следствием тягчайшего социального неблагополучия, беспросветной нищеты и бесправия подавляющего большинства населения и острой общественно-политической борьбы между консервативными силами, стремившимися удержать Афганистан на старых, средневековых рубежах, с одной стороны, и национально-демократическими кругами, выступавшими за решительное обновление страны и общественной жизни, – с другой. С началом «демократического эксперимента» Афганистан был просто обречен на социальные и политические перемены.

ГЛАВА 4. КРИЗИС МОНАРХИИ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 17 ИЮЛЯ 1973 ГОДА

4.1 Забастовочное движение в стране в конце 60-начале 70-х годов

В последней трети XX в. Афганистан по-прежнему оставался земледельческо-скотоводческой страной. Промышленность была развита крайне слабо. Подавляющая часть оседлого населения (более 80 %) проживала в сельской местности. Приблизительно 2,5 млн. человек вели кочевой или полукочевой образ жизни. Несмотря на сохранение сильных пережитков производственных отношений в аграрной сфере, афганское общество к рассматриваемому времени перестало быть феодальным. В процессе капиталистической эволюции, особенно в 50-70-х годах, в многоукладной экономике Афганистана ведущими определились госкапиталистический, частнокапиталистический и мелкотоварный уклады. По мере ускорения капитализации страны все более острой становилась проблема пауперизации общества и, как результат этого процесса, увеличение численности городских низов. Их ряды непрерывно пополнялись за счет притока в города лишившихся земли и обнищавших крестьян. На этой почве в стране нарастала социальная напряженность. Она дополнялась исторически сложившимися острыми межнациональными и межплеменными противоречиями, приводившими нередко к вооруженным столкновениям и конфликтам, особенно в зоне расселения пуштунских племен. [1]

За всплеском оппозиционного движения, которое наблюдалось в 1964-1966 гг., в Афганистане наметился его определенный спад. Однако уже в 1968 году снова началось оживление деятельности различных общественно-политических сил. Толчком к этому явились массовые стихийные выступления трудящихся страны за свои социальные и экономические права.

В 1968 году впервые в истории Афганистана заявил о себе молодой, формирующийся национальный рабочий класс. В его рядах к этому времени было уже 32 тысячи фабрично-заводских рабочих, а всего в стране насчитывалось до 880 тысяч лиц наемного труда, в том числе свыше 80 тысяч в строительстве и около 30 тысяч в сфере транспорта и связи. [2] Их беспрецедентные выступления в защиту своих жизненных интересов, охватили почти все промышленные центры, положив этим начало массовому рабочему движению в стране. Оно было вызвано значительным ухудшением и без того тяжелого экономического положения трудящихся в результате завершения строительства в рассматриваемые годы многих крупных хозяйственных объектов и увеличения в связи с этим масштабов безработицы в стране, огромного, растущего год от года аграрного перенаселения, несправедливых условий купли-продажи рабочей силы и социальной незащищенности людей труда, тяжелых условий их жизни, быта и труда, постоянного роста цен на продовольствие и товары первой необходимости и т.п. Вот некоторые данные, иллюстрирующие сказанное выше. По приблизительным подсчетам, общее число безработных в стране возросло с 200 тысяч в 1966/1967 г. до 400 тысяч к началу 70-х годов и составило 7 % трудовых ресурсов Афганистана. Общий индекс цен на основные продовольственные товары вырос к 1968 году в два раза по сравнению с 1963 годом при среднем росте заработной платы с 1962 по 1967 год всего лишь на 47 %. При этом труд рабочего в Афганистане оплачивался традиционно гораздо ниже стоимости его рабочей силы, составляя примерно 1/3 прожиточного минимума семьи из четырех человек. Повсеместно процветали взяточничество, вымогательство, штрафы, обшеты и пр. Чтобы получить, например, работу шофера или крановщика на строительстве завода азотных удобрений и ТЭЦ в Мазари-Шарифе, необходимо было дать взятку должностным лицам соответственно в размере 10 тысяч афгани (при средней ежемесячной зарплате шофера в 2500 афгани) и 12 тысяч афгани. [3]

Афганские трудящиеся страдали и от социального бесправия. Принятый еще в 1946 году Закон о труде рабочих национальных предприятий практически не выполнялся, да и уже не отвечал новым условиям и потребностям растущего афганского рабочего класса. Новый же закон о труде, подготовка которого велась с 1965 года и в котором предусматривались создание специальных судов по трудовым конфликтам, элементы социального страхования рабочих, их право на создание профсоюзов и заключение коллективных договоров с предпринимателями, был заблокирован в парламенте дворцовой аристократией и консервативно-клерикальными кругами.